

ОЛЕГ ТКАЧ
ПРОБЛЕМА
СУБЪЕКТНОСТИ
ПРОЛЕТАРИАТА
2025

Содержание

1	Дileммы субъектности.....	3
2	Идентичность или субъектность?.....	4
3	Активизм разумный и безумный.....	7
4	Коллективная субъектность вместо лидера.....	9
5	Субъект может быть реакционен.....	12
6	Развитие кружков.....	15
7	Что такое кружки на самом деле?.....	16
8	Роль авангарда.....	20
9	Откуда берётся субъектность?.....	22

1 Дileммы субъектности

Совсем недавно рассуждения о субъектности доносились до нас из каждого утюга. Патриотическая пропаганда рьяно подхватила новое модное слово, пока не затащила его. Значит ли это, что субъектность это вредная лженаучная категория? Совсем нет, она полезна. Давайте только заглянем в неё глубже Википедии и примерим к окружающей общественной жизни.

Субъектность — это способность быть самопричиной, то есть активно управлять своим взаимодействием с окружающим миром, осознанно направляя его к конкретной цели. В отличие от субъекта, объект может быть активным, но его действия носят стихийный, неосознанный характер: он может двигаться, производить, торговать, даже вступать в конфликт, но не обладает систематическим планом или осознанной стратегией. Субъект же, будучи источником собственной цели, формирует целенаправленные действия, даже если его планы не всегда реализуются.

Когда мы применяем категорию субъектности к общественной жизни, можно увидеть два момента. Во-первых, что субъектом быть полезно, но сложно, а объектом быть легко, но тогда твоя судьба тебе не принадлежит. Во-вторых, что субъект в общественных масштабах — это не единичная личность, а широкая группа, коллектив. И эта идея развивается в разных направлениях.

Патриотическая пропаганда, например, говорит о субъектности нации: трудящиеся и буржуазия разных калибров, попадающие под критерии русскости, сплачиваются и сражаются за свои **общие** цели.

Те же, кто исходит из классового строения общества, рассуждают о субъектности пролетариата, который мог бы активно участвовать в борьбе с буржуазией. Притом заметим,

что борьба эта распространяется далеко за государственные границы.

2 Идентичность или субъектность?

Важная роль наших СМИ — это провоцировать людей на то, чтобы они определились с позицией по актуальным вопросам повестки, меняющейся каждую неделю, а то и день. За коронавирус ты или против? За СВО или против? За Ильина или против? Определись: да или нет, остальное от лукавого. Не определился — ты лузер, ведь не разбираешься в главном вопросе современности. Определился? Отлично, следующий вопрос! Поэтому часто получается так, что идентифицировать себя — это конечный пункт. Всё, приехали! Хотя, если задуматься, то каждая идентификация скрывает за собой не только борющиеся идеологии, но и теоретические основы, в которых следует разбираться.

Люди слушают аргументы сторон. А потом выбирают: например, да, Ильин — фашист. И всё, они себя идентифицировали. Причём часто не важно даже понимать, а что такое фашизм, достаточным может быть даже личное самоназвание Ильина. А если найдётся ещё и парочка разъясняющих цитат, то дело сделано — зритель во всём разобрался.

Теперь главная опасность (признание себя лузером) устранена. А дальнейшее настояще понимание вопроса, наоборот, нежелательно. Во-первых, давно пора определяться по другим вопросам: почему Трамп лучше Байдена? С кем из соседей РФ надо крепче дружить, а кому пора выставить счёт? Почему Китай поставляет нам некачественные грузовики? Во-вторых, разбираться в каждом вопросе по существу трудно,

непривычно, да и зачем, если есть специально-обученные люди, которые это сделают за нас!

Это очень опасное состояние ума, которое напоминает высказывание одного марксиста, ставшее широко известным мемом в наших узких кругах: «Я и так марксист! Зачем мне читать Маркса? Пусть его читают те, кто ещё не марксисты!»

Дело в том, что занятая позиция чаще всего это просто позиция болельщика на зрительской трибуне. Отсюда самое главное — независимо от того, с какой стороной вы себя идентифицируете, это не влияет на расклад «игры». А когда случается так, что реальные игроки отвлекутся на пугающий шум трибун, упускают на мгновение игровую ситуацию, и нам кажется, что болельщики победили, то это очень большая и вредная иллюзия. Во-первых, болельщики не участвуют в игре! Вообще! Никак! Они потому и не играют, что за ними нет ничего, кроме самоидентификации. Во-вторых, подвох игры состоит в том, что на игровом поле только одна команда, вторая же разбита в пух и прах несколько десятилетий назад (а деморализована ещё раньше). Единственная команда творит, что хочет. Команда свободно пишет и корректирует правила по ходу своих действий, и сама же по ним судит, что разрывает сердца болельщиков отсутствующей команды.

Но наши болельщики есть! Статистика показывает, их число растёт как в РФ, так и во всем мире. В этом большая заслуга и наших СМИ. Но если появится наш игрок, то он будет одинок, робок и слаб, он быстро попадёт в положение «вне игры» и отправится на «скамейку запасных» судейским решением.

Данная расстановка сил обязывает болельщиков выйти на поле и уже, наконец, начать играть по принципу: «А наши не придут... Все наши — это мы». И для этого они должны перестать быть болельщиками, став серьёзным соперником. Вражеской команде выгодно, чтобы на поле вывалилась

неподготовленная толпа, готовая отдать победе сердце, но не ум и годы тренировок. Отличие болельщика от игрока колоссально. У игрока совершенно иной образ жизни, который не допускает бесполезного для игры времяпрепровождения. Становление игроком потребует не только выхода за пределы идентификации себя с командой, но и глубокого понимания сути своеобразной исторической игры.

Важно ли всё-таки участвовать в массовом самоопределении? Важно и нужно! И в этом плане наше крыло блистает, как никогда! Тем более, если в этом не будем участвовать мы, то противник в этом участвовать будет всё равно. И тогда даже болельщиков наших не останется. Но что, если завтра запретят публичных комментаторов (а всё движется именно к этому)? Тогда и делу — хана! А этого мы допустить не должны!

Болельщики пассивно созерцают происходящее, через уста публичных комментаторов правого или левого окраса, предоставляющих переработанные и подготовленные данные, которые будут легко складываться в известную картинку. Поэтому мы предлагаем идею «отмирания публичных комментаторов», суть которой состоит в том, что надо стремиться к такому состоянию, чтобы нам не нужны были «комментаторы происходящего». Это и есть идея перевода болельщиков в члены команды. Команде просто больше неоткуда взяться. Первым условием создания команды является умение самостоятельно разбираться в известном круге вопросов. О вторых, третьих и десятых условиях ещё говорить рано. Первый шаг — это учиться самому мыслить, самому погружаться в проблему, самому изучать её и находить решения несмотря на то, что ты уже идентифицировал себя. Объединение мыслящих людей должно происходить только на основе решения реальных вопросов. Чем раньше болельщики встанут

на этот путь, примкнут к остальным, тем больше сил, времени, и, в конечном счёте, жизней это сэкономит.

3 Активизм разумный и безумный

Осознание того, что надо менять жизнь, очень часто посещает не только мыслящих людей. И мы получаем вместо реального движения, вместо субъектности, вместо освобождения — только пародию на них. Оказалось, партии и организации создают не от большого ума, но от большего желания изменить жизнь. Это совершенно не означает того, что любая организация создана большими людьми. Нет! Проблема в том, что здоровых крайне мало. Из-за политического активизма в обществе формируется паттерн, связывающий идею изменения жизни с идиотией и маргинальностью, что обязательно отражается буржуазным искусством и пропагандой в целом.

В этот момент те, кто понимают общество и реально его исследуют, партий не создают, медийностью не обладают. Какое же злорадство испытывают первые ко вторым! Находившись много лет в статусе активных дураков, мы очень хорошо понимаем все претензии в адрес пассивных умников. И поэтому мы меньше всего сами бы хотели перейти в статус пассивных умников. Мы хотим и делаем всё возможное, чтобы быть в статусе умных активистов. Понимаем, что эта категория очень сложна. Тем более, где критерий ума? Ведь всякий активист считает себя умным. Однако в отличие от глупых активистов, некоторые из них предприняли попытку разработать критерии разумного подхода и стараются им следовать. Пока что получилось разобрать явные глупости, о которых говорилось в цикле «создаём партию», чтобы всякому думающему человеку не хотелось их повторять. Обход подводных камней политического активизма — задача не столь уж сложная и для её

осмысления не требуется специальной подготовки. Это, так сказать, входной билет в ту область, в которой только и возможно заниматься реальным вопросом изменения жизни.

Сложной задачей является создание партии как симптома субъектности класса. Исследование в этой области может пролить свет на главный вопрос любого времени: «Что делать?»

Наивному активизму кажется, что вопрос субъектности решается просто. Ведь активист и так действует, агитирует, страдает и даже «сидит». Но эпоха требует иных действий, иной агитации и иных жертв. Почему? Старые приёмы не работают. Пролетариям безразлична субъектность активистов, особенно, когда они выступают как учителя или спасители. От последнего и смешно, и грустно. В реакционном обществе — это трагедия революционера. Фихте и Гегель показывают, что проблема субъектности состоит не в самих субъектах, а в межсубъектных отношениях. О сравнении межсубъектности в понимании Фихте и Гегеля хорошо написал М. Семек¹. Призываем все самообразовательные коллективы ознакомиться с данной работой и сделать выводы о дальнейших способах выстраивания межсубъектности. Ведь из неё делается поразительный вывод, что межсубъектность предшествует субъектности. Т. е. изначально должны появиться отношения, а затем уже люди начинают их осознавать и участвовать в них как субъекты. Это означает буквально следующее, что классовое сознание, формируется только в классовой борьбе (модель межсубъектности по Гегелю). В рамках этих отношений класс начинает интересоваться теорией и выдвигать своих теоретиков, в этих условиях становится возможна политика, партия и всё остальное. Но без этих отношений ни теория, ни партия не могут быть замечены, так как нет межсубъектности.

¹ <https://t.me/OlegTka4/284>

В этом отношении показательна социалистическая революция в России. Военный министр колчаковского правительства барон Алексей Будберг писал:

Мальчики думают, что из-за того, что они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей... мальчики не понимают, что если они без разбора и удержу насиличают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что московские хамодержцы могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников.

Будберг А. П. Дневник (1919)

Чем ожесточённее представители капитала борются со своими противниками, тем крепче формируется классовое сознание со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Не хочется говорить «чем хуже, тем лучше», однако, чем хуже, тем яснее натуральное положение дел. Хуже — это когда маски сброшены, когда всё видно. Очень не хотелось бы, чтобы это «хуже» было единственным каналом приобщения к политике. Поэтому стоит пробовать через логику и чувства пробивать дорогу к умам и сердцам людей.

4 Коллективная субъектность вместо лидера

Самое неразумное и вредное, что должен изжить в себе сторонник пролетариата, состоит в том, чтобы понимать

движение, как объект, как пассивную массу, которой нужен сильный лидер. Это идеализм.

Так, например, считается², что феминистское движение США отошло от классовой повестки потому, что ЦРУ завербовало их главного лидера Глорию Стейнем ещё в самом начале движения (похоже, что этот факт правдив, но тем хуже!). Получается, что единственный агент меняет ход движения в угоду капиталу!

У всех должен возникнуть вопрос, а почему движение не сопротивлялось этому? Тогда Глория лишь выразила суть этого движения, раз смогла его возглавлять аж до девяноста лет. В противном случае движение либо свергло её, либо раскололось, либо стенило, а на его месте появилось бы новое с классовой повесткой. А раз так не вышло, то и не было там никогда классовой повестки. Никогда! Скорее всего, она была навязана искусственно харизматичными лидерами и также искусственно свёрнута другим лидером.

Распространён подход, что надо ругать всяких агентов за то, что пользуются бессубъектностью движения. Но это морализаторство: «Наших хороших борцов за свободу опять обманули, перестаньте их обманывать!» Словно успех этих движений по срыву повестки зависел только от таланта одного агента.

Любое движение надо рассматривать как субъект. Задача диалектика увидеть противоборствующие причины движения и если есть, то распознать в нём разум пролетариата, чтобы помочь движению раскрыть свою сущность, свою субъектность. Но сделать это можно только путём участия в нём — разделить свою субъектность с его. Лифшиц писал: «...коммунисту толпа, ослепленная мифом, не нужна. Ему нужен народ, состоящий из сознательных личностей».

² <https://t.me/kommari/1512>

Стоит отступить и не участвовать в движении, если изначально оно враждебно пролетариату. По крайней мере не помогать ему вредить пролетариату. Но если в нём объективно есть противоборствующая тенденция, находящаяся на стороне пролетариата, то надо помогать именно ей.

Социальные процессы осуществляются только субъектами. А субъект всегда противоречив. Все мы хотим, чтобы массовый пролетариат стал субъектом. Мы привыкли признавать субъектность только в низовых профессиональных объединениях, отстаивающих свои права. Однако такая борьба — это только симптом противоречий капитализма, это ещё не субъектность. Это как движение по принципу «стимул — реакция». Несомненны заслуги тех, кто восстанавливает эти элементарные социальные рефлексы, необходимые для выживания, кто учит верить не увещеваниям, пропаганде и угрозам, а своим глазам, уму и коллегам. Но чтобы стать субъектом, нужно действовать не потому что права ущемлены и хочется вернуть «как было», а действовать в целях изменения того, «как было». То есть ответные действия — это чрезвычайно важный момент становления субъектности. Однако, чтобы эта субъектность стала, действия должны быть обдуманы и коллективны.

Прямо сейчас можно заметить ещё интересное проявление субъектности движения. Оно тоже не массовое, но качественно наличное и выражает уже именно субъектность движения пролетариата. Сейчас оно выражается в умении самостоятельно отвергать лидеров мнений, когда те вдруг начинают либо прямо, либо косвенно и закамуфлировано выступать на чужой позиции³. То, что сигнализирует о субъектности, состоит в устойчивом теоретическом чувстве класса. Ещё пару десятилетий назад этого чувства нельзя было обнаружить. Необходимо было долго

³ <https://t.me/OlegTka4/286>

объяснять элементарные вещи. В лучшем случае всё это сопровождалось душевной болью и разочарованием в кумире. Сейчас этого уже мало. Субъект учится отвергать вчерашних кумиров и чувствовать теоретическую силу уже за собой. Ему уже не нужен говорун, который объяснит, что к чему. Он уже и сам, кому хочешь всё объяснит и уже объясняет. Пожалуй, в последнем глаголе и состоит нынешнее выражение субъектности, когда вчерашние «зрители» становятся участниками «игры». Это один крохотный, но очень важный момент в становлении субъекта истории.

5 Субъект может быть реакционен

Быть сторонником пролетариата означает быть им даже тогда, когда пролетариат слаб и «бессубъектен». Даже так: когда пролетариат слаб и «бессубъектен», только тогда реально и есть смысл в сторонниках пролетариата. Они и есть историческая субъектность класса в период массовой апатии. Когда пролетариат в силу исторических обстоятельств становится активным и рвётся в политику, тогда каждый бездарь готов встать на его сторону и признать за ним силу и субъектность. Задача же сторонников пролетариата в период слабости масс — смотреть на пролетариат диалектически, т. е. в мёртвом видеть живое, в безнадёжном — надежду, в бессубъектном — субъекта. Но видеть не формально, а по сути самого явления. Поиск тенденций в пролетариате, которые относятся к его субъектности — вот одна из задач сторонника пролетариата. Найдя эти тенденции, на них опереться и воспроизводить их на местах. Ибо их стихийное появление в отдельных эпизодах означает наличие плодородной для них почвы в целом.

Полагать, что субъектность пролетариата формируется в борьбе за «трудовые права», значит не замечать той

колossalной разницы, которая есть между субъектом истории и субъектом рыночной конкуренции. Борьба за «трудовые права», однозначно, формирует субъектность. Но только это будет субъектность рынка, с соответствующим рыночным сознанием. И если строго следовать этому движению, то ничего революционного оно не породит в принципе, т. к. рынок уже включает в себя конкуренцию между рабочей силой и капиталом. **Возможно**, эта борьба вообще не имеет отношения к исторической субъектности.

Мы говорим «возможно» оттого, что считаем данную борьбу необязательной для становления сознания класса как исторического субъекта. Европейские профсоюзы демонстрируют, что пролетариат вполне может существовать (как субъект буржуазного порядка) и не иметь никакой исторической субъектности. Однако сознание класса как исторического субъекта может затрагивать рыночную субъектность либо как промежуточный пункт своего становления, либо, что скорее всего, как симптом наличного исторического субъекта, который начал передел мира с трудовых претензий к капиталисту. Важно видеть в каждом акте рыночной субъектности две составляющие:

1. реакционный порыв масс
2. и симптом исторической субъектности.

В чём разница? Историческая субъектность претендует на изменение порядка воспроизведения всей жизни, прекращение воспроизведения капитала и, в конечном счёте, прекращение воспроизведения себя, как класса наёмных рабов. Новые формы деятельности угнетённого класса, направленные на уничтожение частной собственности, безусловно столкнутся с защитниками прежних форм общественной деятельности. Это и будет классовая борьба, как двигатель истории. Но классовая борьба может быть и тормозом истории, если она стремится

законсервировать мнимое благополучие при капитализме: чтобы обустроить законодательство, делегатов и союзы; чтобы не приходилось вновь становиться субъектом даже рыночных отношений; чтобы закон сам защищал все права; чтобы делегаты просто работали и следили за соблюдением прав, а союзы в нужный момент объявляли, что пора «бузить». Но сам человек в этом движении оставался бы бессубъектным, тяготеющим к спокойной рутине и не осуществлял никакой новой деятельности.

Более того, потребность в рыночной субъектности пролетариата вызвана совершенно не революционной идеей: «Я хочу нормально, стабильно работать, а вы мне честно платите!» И как только этот идеал начинает оживать, индивид с радостью готов дальше воспроизводить капиталистические отношения. Это тоже субъектность пролетариата! И она реакционна.

Проблема отсутствия у пролетариата субъектности часто понимается поверхностно. Говорят, раз нет субъектности, то давайте сделаем её. И начинают делать (т. е. помогать, агитировать, воспроизводить) именно реакционную субъектность, которая направлена против истории. Хотя и без таких помощников пролетариат и так каждый день торгует своей способностью к труду. И то, что он делает это невыгодно, совсем не означает, что если он начнёт это делать выгодно, то у него появится историческая субъектность. Сторонникам пролетариата следует не ограничиваться поддержкой рыночной субъектности, а выявлять и участвовать в тех тенденциях в массах, которые направлены на **преодоление капитализма** и создание новых форм общественного воспроизводства, свободного от эксплуатации.

6 Развитие кружков

В левой тусовке можно встретить суждение, что кружки настолько мешают делу пролетариата, что с ними нужно бороться, их нужно изживать, они не стремятся к объединению, да и вообще они бездельники.

Но что есть кружки, чтобы так желать поскорее от них избавиться? Кружки — это ростки пролетарского сознания. Они возникают как ответ на потребность понять, что происходит в обществе и что с этим делать? Кружки формируются как низовая форма самоорганизации. Это очень важно. Их обычно не создаёт какой-то лидер, а люди сами собираются по интересам. Кружки формируют и в них вступают люди, озабоченные судьбой страны и мира. Они есть та часть общества, которая воплощает собой попытки пролетариата найти выход из классового бремени. «Мало их, но ими расцветает жизнь всех» — можно процитировать Чернышевского⁴, сказав о кружковцах. С этим, правда, надо бороться? Однако кружки плохи тем, что они разрознены и не могут повлиять на жизнь.

Что бы они могли сделать, во что бы они могли превратиться, будь у них организация? Тут возможно два ответа: 1. такая организация кружков стала бы очередной искусственной конструкцией, которая точно также как и без организации совершенно никак не может влиять на общество (пусть назовёт себя хоть партией, хоть интернационалом — суть не поменяется); 2. организация кружков может стать реальным живым органом власти пролетариата, т. е. действительной партией пролетариата.

От чего зависит судьба кружков, кем они станут? Очевидно, что не только от желания самих кружков стать полезными для движения, но и от самого движения. Те, кто сегодня

⁴ Чернышевский Н. Г. «Что делать?»

призывают «выжигать кружковщину», явно хотят, чтобы кружки переросли в то, что описано во втором пути, чтобы те стали партией. Но при этом они не видят, что объективное движение масс ещё не требует для решения своих проблем таких форм организации. Движение масс пока порождает то, что порождает — редкие кружки и редкие профсоюзы. И надо соответствовать этим формам, успевать их обслуживать и развивать там, где этого требует момент и позволяет ситуация. Постепенно с ростом одного и другого их смычка станет неизбежной. А где-то даже эта смычка уже произошла сама собой, когда профсоюзы организовывают кружки, а кружки профсоюзы. Но пока что эти явления редки.

Однако, если, насиلاя все мыслимые и немыслимые обстоятельства, ковать из имеющихся кружков организацию, как этого хотят некоторые, предвкушая, что она станет живым органом власти пролетариата, то выходит, что мы намеренно заводим кружки в первое описанное состояние. Т. е. делаем из них искусственную, мертвую структуру, не способную отражать действительного движения масс, которая будет очень слабой и неустойчивой к реальным трудностям жизни (политическим и полицейским) и которая предсказуемо развалится даже без всяких реальных трудностей.

7 Что такое кружки на самом деле?

Кружками часто называют то, что по форме похоже на кружки — это собрания по чтению книг. В первом приближении оно так и есть, но чуть глубже есть кардинальное отличие. Если бы кружки были именно читальными клубами, то дело швах! Никогда и ничего из этого не выйдет. Чтение — это форма досуга, как и просмотр агитационных видео, чего бы мы себе при этом не придумывали. Смысл в том, что есть

источник идей и есть пассивный их приёмник. Таким образом, чтение как форма существования кружка недостаточна для того, чтобы кружок был «беременный» партией. Когда в кружке есть только чтение, то нечего от него ждать большего. Там даже преодолевать нечего. Там просто люди читают и это, кстати, дело полезное, говорят, речь развивает. Но совершенно другое дело, когда чтение, агитационные ролики и т. д. становятся средством, при помощи которого человек пытается разобраться!

Но рассчитывая на какой-то результат мы обязательно должны понимать, что есть средства, а что цель. Ведь чтение не обязательно может иметь отношение к другим полезным делам, на которые рассчитывают сторонники пролетариата. Всегда находятся энтузиасты, которые желают скромно читающих людей превратить аж в партийный аппарат. Так происходит уже который раз, напомните? Очередное объединение ради дел, которые не дают результата на протяжении десятилетий при полном отсутствии обсуждения, почему так происходит у предшественников — всё это дурное повторение, как будто срабатывает какой-то социальный рефлекс, являющийся атавизмом. Этому процессу не хватает живой мысли, обращённой на опыт хотя бы своих предшественников, чтобы взять, остановиться и подумать: «А что мы делаем постоянно не так?» Это могло бы привести к напряжённой борьбе людей, ищущих правду, а затем этой же правдой скованных. Вот это и будет кружок. Он рождается в процессе выработки позиции по актуальным проблемам и отстаивания её для пролетариата. Таким образом, кружок — это синоним школы в философии или теоретической партии. Это суть. Это источник политической партии и революции. Диалектически, кружок — это и есть партия в становлении. Такие формы, как митинги, агитация, профсоюзы и др. тоже нужны. Здесь нет и не должно быть выбора. Это всё формы одного и того же движения, просто

проявляющиеся с разной стороны. Но именно кружковая форма есть то, что служит основой для самосознания движения, его первым опытом самоорганизации. Это не идеал, а этап, через который движение учится говорить, пробовать идеи. Кружки — это не цель, а инструмент, позволяющий сконцентрировать энергию, выработать доверие и понять, как нести идеи дальше. Они должны заранее распределить обязанности, которые потребуется выполнять при расширении, включать новых людей. Т.к. замыкаться в узком круге — означает неумение воспроизвести себя. Затем осуществить переход от узкого диалога к открытой агитации, от внутреннего согласия к общению с массами.

Важно, чтобы кружки умели воспроизводить себя: учить новичков, делиться опытом, передавать знания, но не терять связь с общим целым. Если они останутся замкнутыми, это тупик. Если же они научат расширяться, сохраняя единство, — это станет мостом к созданию широких структур. Только так, шаг за шагом, движение может выйти из кружкового состояния, превратившись в организованную силу, способную не только агитировать, но и объединяться в партию. Партия же — это не просто масштаб, а логический исход всех форм пролетарского движения, которые перестали бояться раскрыться, перестали делить на «своих» и «чужих», а стали частью единого исторического процесса.

Теория — это не голая идея, а осмысленный пролетариатом его собственныйный опыт. Ясный взгляд пролетариатом на самого себя, на историю — единственное, что способно привести к политической партии как организационной форме его борьбы за коммунизм. Эту вещь нельзя подделать, нельзя сымитировать созданием преждевременного объединения, её можно только познать и действовать по её логике.

Что нужно, чтобы кружок был «заражён» партийностью? Нужна история, работающая в его руках на будущее. Вот этого толком не было во время «кружковой весны» в СНГ. Хотя кое-что возникло... В непосредственном виде это выступает как исследование настоящей жизни. Как же важно писать свои мысли (для этого они должны быть), спорить, получать критику, переписывать, переосмысливать! Этим путём выковывается ум пролетариата. То, что на ранних этапах ум пролетариата представлен единицами, не страшно. Страшно, когда отсутствие этого ума стараются замаскировать формальными объединениями.

Нас спрашивают, как освоить диалектику? Её можно освоить только одним образом — применять, что значит делать по логике предмета, а не навязывать ему схему, взятую из неактуального учебника, совершенно не свойственную его росту. Если вы будете только читать, только смотреть, только слушать, но не будете с прочитанным работать, то не будет усвоена диалектика, не будет движения как практики. Тогда это будет лишь формой досуга, которая в дальнейшем станет всё более и более маргинальной. Нужно пытливое движение ума к правде жизни. Результаты этого движения нужно публиковать и отстаивать как результат освоения опыта пролетариата (к вопросу об агитации).

Нам скажут, что мы идеализируем кружки. Но если так считать и довольствоваться текущим состоянием кружков, то всё что вы с ними сможете сделать — уже было сделано много раз. А дело состоит не в том, чтобы коллективно отменить кружковщину, а в том, чтобы кружки стали на данном этапе соответствовать своему понятию. То есть им надо ещё только сделаться. Из читальных клубов, из зрителей каналов, из профсоюзного актива. В наших условиях кружки — это шаг в будущее.

8 Роль авангарда

«В стратегическом плане нужно делать ставку на пролетариат» — нам скажет любой шовинист, который предлагает учитывать тот неприятный факт, что пролетариат сейчас пассивен, а поэтому надо заниматься некоторыми «реальными проблемами» и тем самым приводить его в активное состояние. Но пролетариат **активно** воспроизводит империализм, как в роли наёмного раба, так и в роли солдата. И увы, «реальные проблемы», на которые нам предлагается обратить внимание, часто оказываются проблемами буржуазии и связаны с фронтом. Но как нам **сейчас** делать ставку на пролетариат, а не **в конечном счёте**?

Быть сторонником пролетариата, когда он уже обрёл силы и начал шагать железными батальонами, сможет каждый приспособленец. Для этого теория не нужна; здесь «диалектика учится не по Гегелю». Поэтому сейчас надо понять, как сделать движение неизбежным?

Деление на шовинистов и интернационалистов или на сторонников буржуазии и сторонников пролетариата сейчас проходит не по тому, как те и другие относятся к субъектности пролетариата. В теориях и тех, и других пролетариат не представляет собой исторического субъекта на данный момент. Об этом не нужно спорить. Действительное деление происходит в другом. А именно, в чём состоит роль пролетариата в нынешних условиях? — вот где начинается разделение на шовинистов и интернационалистов.

Если мы будем транслировать, что пролетариат всемогущ, то это будет бессмысленно, если не дойдёт до адресата. Однако часто вместе с осознанием этого факта некоторые граждане пытаются достучаться до адресата, транслируя ему

беспомощность и ожидания обстоятельств будущего, которые его сделают активным, объединённым и целеустремлённым.

Можно также услышать ещё такое предложение, что сторонники пролетариата должны решать некие «проблемы на местах», начинать снизу, завоёывать признание пролетариата не как класса, а как обывателей. Если заниматься «реальными проблемами на местах», то мы получим вместо политического активизма, бытовой активизм, который также не имеет никакого отношения к становлению субъекта истории. Заметим, что единственная реальная проблема на местах — это отсутствие понимания того, что является проблемами класса и подмена классовых проблем, бытовыми. И как мы уже показали, классовые проблемы не решается путём борьбы за трудовые права. Т. к. в этом нет ничего, что выходило бы за рамки капиталистичности — это обычная конкуренция, в которой пролетариат осознаёт себя как субъект рынка, но не как субъект истории. И далеко не факт, что историческая субъектность появляется из субъектности рыночной.

Субъектом истории пролетариат становится не тогда, когда вписывает себя в рынок как его успешный игрок, как его активный участник, а когда преодолевает обстоятельства, которые его сформировали, то есть, когда выступает против рыночной организации жизни. Понимание пролетариатом своего исторического положения — это работа, которую пролетариат осуществляет через свой авангард. Это то место, где нужны теоретически подготовленные сторонники; через них выражается субъектность пролетариата, через них пролетариат «знакомится» с самим собой.

9 Откуда берётся субъектность?

Субъектность пролетариата — не то, что можно создать, воспитать или навязать извне, будь то усилиями «заботливых наставников» или организующих конструкций. Субъектность создаётся сама как органическое проявление внутренней логики классового развития, как внутренняя активность класса. Субъектность, будучи «сделанной», привнесённой, подчинённой некой организации или пламенному мотиву, — это уже не субъектность, а объектность. Объектность пригодна для организации капиталистического производства, в котором человек отчуждён от результатов труда и управления процессом своего труда, хотя и каждый отдельный индивид знает свою роль, хотя он не знает конечного продукта, он от него отчуждён. Но для классово-демократического шага, как создание партии трудящимися, необходим другой подход. Люди являются субъектом, пока пытаются в чем-то разобраться и понять, как надо действовать, но если держать нос по ветру некой «генеральной линии партии», то это уже утрата субъектности. Это принесение себя в жертву воле руководства. Хорошо, если руководители умны и талантливы, и ни к какой ерунде не привлекут своих членов, но как показала, например, история феминистического движения США — это не имеет никакого отношения к субъектности, а это значит, что всё держится на одном или нескольких лидерах. Такая схема принципиально непригодна для коллективной субъектности.

Субъектность не обязательно возникает в результате внешних воздействий, будь то заботливое обучение или втягивание в трудовую борьбу. Она возникает как самостоятельное осознание своего места в мире, через которое субъект становится активным и ответственным участником своей судьбы. Субъектность создаётся только самим субъектом:

именно его внутренняя инициатива, выбор, осознанность и желание делают его субъектом. Трудовая борьба может стать условием для её проявления, но не гарантирует её возникновения — ведь субъектность зависит от самостоятельного внутреннего усилия, где внешние обстоятельства являются лишь материалом для этих усилий. Активность, кстати, не делает субъекта уникальным: объекты тоже могут быть активны (например, машина, ветер).

Самое важное, что здесь можно обнаружить, это то, что сторонники пролетариата не являются родителями для пролетариата ни в практическом, ни в теоретическом смыслах. Они скорее его дети, его выражение, его историческое эхо. Диалектика этого явления такова: пролетариат как субъект истории порождает сторонников, их мысли и их действия. Его субъектность живёт в них, а не наоборот! Они не могут «учить» пролетариат или «воспитывать» — они лишь могут показывать пролетариату его осознанность в тех местах, где он её проявляет, его собственный опыт и в конечном счёте закон его развития и революционный потенциал.

Теории, аналитика, самообразование, профсоюзы, совместные политические акции — это лишь инструменты, через которые пролетариат формулирует свои цели и пытается познать себя. Конечная цель субъектности проявляется тогда, когда класс сам осознанно и организованно определяет направление своего движения. Это и есть коммунизм, как взятая обществом под свой контроль логика своего развития.

Роль сторонников пролетариата — не в том, чтобы «создать» субъектность или «направить» её. Задача — ширить субъектность, сохраняя равенство в диалоге (в духе Фихте) и отказываясь от иллюзий руководства. Из такого понимания коммунизма и субъектности следуют такие ближайшие действия:

1. Распространять знания, чтобы пролетариат мог самостоятельно осмысливать своё положение и опыт. На первых парах очагами такой субъектности выступают самостоятельно образовавшиеся клубы — кружки.
2. Освободить пространство для межсубъектности, т. е. для равных обсуждений, где пролетариат сам формирует свои цели, а не подчиняется внешним «спасителям», гуру или лидерам мнений, которые могут повести не в ту сторону.
3. Умение коллективно справляться со спорными вопросами, не путём замечания их под ковёр и откладывания в дальний ящик, а выдерживать напряжение внутренних противоречий, доводить их до снятия, до логического понимания — это создаёт иммунитет от лжеождей и расколов. То есть гарантирует самовоспроизводство.

Таким образом самовоспроизводство — это самая главная характеристика, которой нужно достичь. Только обладая ею возможно создать партию. Партия — это инструмент субъекта и без субъекта некому наполнить партию живой деятельностью, некому защитить её от врагов. Партия приобретает смысл только тогда, когда становится отражением воли пролетариата, а не фантазией о его субъектности.

Субъектность — это проект пролетариата, который стремится освободиться от ограничений классовой принадлежности и обрести способность действовать как универсальный субъект, определять свою жизнь и общество как целостный человек, а не как объект эксплуатации, загнанный в профессиональные рамки. Коммунисты, как выражатели субъектности класса кроме привычных и описанных выше дел, должны ещё научиться не мешать зарождению субъектности класса. Это не означает, что нужно перестать агитировать и т. д. Это означает уметь не заглушить субъектность, тем самым ей помочь.

Субъектность — это не просто организованная группа, а класс организовавший себя. Если представить, что организация сторонников пролетариата способная к самовоспроизведству уже есть, встаёт вопрос следующих шагов. Они тоже известны: агитация, расширение и т. д. Здесь мы хотим добавить кое-что, по нашему мнению, новое. А именно, как возможно воспроизведение коллективной субъектности и её расширение до масштабов класса?

В загорском эксперименте Э. В. Ильенков подробно описал механизм появления субъектности у индивида. На примере слепо-глухих детей это выглядит так:

Практически стадия «первоначального очеловечения» слепоглухонемого ребенка выглядит так: взрослый вкладывает в ручонку ребенка ложку, берет эту ручонку в свою умелую руку и начинает совершать ею все необходимые движения, и руководит ею (тут это слово приходится понимать вполне буквально, в его первозданном смысле) до тех пор, пока ручонка ребенка, вначале пассивная, как плеть, или даже оказывающая сопротивление «неестественному», биологически совершенно нелепому способу утоления голода, не начинает обнаруживать робкие и неуклюжие попытки самостоятельно совершать те же движения, как бы «помогая» руке взрослого. Это — труд, требующий от воспитателя не только адского терпения, настойчивости, но и — что бесконечно важнее — остройшей внимательности к малейшему проявлению самостоятельности, к едва заметному намеку на нее со стороны малыша. Как только такой намек появился, сразу же ослабляй, педагог, руководящее усилие! И продолжай его ослаблять ровно в той мере, в какой усиливается активность руки малыша! В этом — первая заповедь педагогики «первоначального очеловечения», имеющая принципиальное значение и — что нетрудно понять — не только для воспитания

слепоглухонемого. Ведь именно тут совершается первый шаг ребенка в царство человеческой культуры — он старается перешагнуть ту границу, которая отделяет психический мир животного от психического мира человека. Возникает не что иное, как специфически человеческая форма активности, деятельности, ни в каких генах не записанная. Не задави, не угаси ее! Если ты, не заметив ее, будешь продолжать руководить ребенком с прежней силой и настойчивостью — активность ручонки его ослабнет и угаснет, и тогда уже никакими понуканиями ее не разбудишь вновь. Детская рука снова станет пассивно-послушной, «удоборуководимой», но уже не станет умной, подлинно человеческой рукой, органом разумно целенаправленной предметной деятельности. Значит, и мозг не станет органом управления этой специфически человеческой деятельностью, а стало быть, и органом психики, ибо психика только и возникает как функция предметно-человеческой деятельности. Поэтому неумеренный руководящий нажим взрослого, не считающийся с уже возникшей самостоятельностью ребенка, лишь тормозит процесс психического развития, замедляет его и откладывает его начало на более поздние сроки, на другие, более сложные виды деятельности. А это уже само по себе приводит к перекосам в психическом развитии, и притом в отношении такого важного его компонента, как формирование воли, т. е. практического разума.

Ильенков Э. В. Откуда берётся ум?

Если Ильенков описывает механизм формирования специфически человеческой психики, которая у здоровых детей формируется стихийно, то перед сторонниками пролетариата стоит задача участия в формировании жизнеспособной психики пролетариата. Ребёнок формирует своё сознание через

внутренний порыв активности, где задача воспитателя не помешать этому порыву стать сознательным, не помешать почувствовать своё действие и предмет своего действия.

Всякий раз, когда пролетарии пытаются что-то осознать и изменить — это повод к тому, чтобы с одной стороны быть рядом, когда появятся вопросы, а с другой стороны не мешать зарождению коллективной субъектности, то есть коллективного самоуправления в разных формах.

Здесь важный вопрос, кто будет управлять «ложкой»? Неопытные пролетарии легко отдаут инициативу грамотным лидерам, однако роль действительного лидера пролетариата должна состоять в другом, помочь **каждому** принять участие в управлении, а самому отстраниться на второй план, выполняя в лучшем случае лишь роль модератора этого процесса. Не навязывать известных решений, а задавать вопросы: «Как мы видим решение этой задачи?», «Какие варианты организации возможны?», «Что нам нужно для реализации?». То есть использовать метод Сократа. Важно, чтобы решения исходили от людей, а не от лидера. Если инициативы от людей вообще нет, то нужно понимать, что силком кормить людей полезными решениями, это означает сделать их сытыми, но это совершенно не означает, что у них после этого появится субъектность. Воспроизведение коллективной субъектности куда более важно для коммунизма, чем недопущение ошибок, которые неизбежно будут возникать на пути, когда субъект обретает себя. Ошибки, как часть опыта, станут трамплином для роста, тогда как испуганная инициатива убьёт саму возможность субъектности.

Из-за страха проявлять инициативу (в капитализме она наказуема), общество теряет способность анализировать свои ошибки. Даже успешные акции, например, протесты, которые приводят к изменениям в законодательстве, остаются случайными событиями: за ними не стоит осознанный субъект,

поэтому их опыт не изучается, выводы не делаются, а серьёзные изменения не нарастают. Именно поэтому в обществе возможна идиотская пропаганда, в рамках которой сегодня говорят одно, а завтра абсолютно другое и это мало у кого вызывает вопросы. Противоречащие идеи легко уживаются рядом и никак не влияют друг на друга и на жизнь. В отличие от этого, коллективный субъект анализирует, осмысливает причины успеха или неудачи и использует этот опыт для последующих шагов, систематизируя удачный опыт и делая его основой для дальнейших действий. То есть исторической памятью может обладать только субъект.

Если перечитать цитату Ильенкова с тем смыслом, что большевики были воспитателем, а пролетариат слепоглухим ребёнком, который не умел сам пользоваться ложкой, то можно заметить, в какой момент партия совершила стратегическую ошибку, из-за которой пролетариат так и не смог стать историческим субъектом и в 90-е пассивно принял власть других воспитателей, которые подключили к нему капельницу и стали выкачивать из него кровь для своего пищевого рациона.

Смысл пролетарской субъектности в конечном счёте состоит в том, что коммунист должен раствориться в пролетариате, стать одним из, на равных участвовать в обсуждениях и управлении, это и будет началом подлинной человеческой истории — истории людей, как субъектов своей жизни.

В условиях современного капитализма, где все попытки индивида взять ложку и начать как-то ею копать могилу для капитала, уже заранее с неизбежностью вписаны в воспроизведение капитала. Возможно потому, что они несовместимы с массовым характером. Таким образом, задача воспроизведения коллективной субъектности становится важной задачей, которая предшествует стихийным выступлениям, их организации и всего, что описано в классической марксистской

литературе. В первую очередь нам важно произвести освобождение субъектности, после которой всякая стихийность не заставит себя долго ждать. Только после этого перед пролетариатом встанет вопрос партийного строительства.

Обнажение проблемы и путей её решения перед пролетариатом, через призму его собственного исторического опыта, — это знание, которое необходимо не для контроля над ним, а для освобождения человечества от классового рабства. Знание становится оружием, которое субъект использует, чтобы уничтожить классовое деление общества и тем самым положить конец эксплуатации человека человеком. Только преодолев свою роль угнетённого класса, пролетариат перестаёт быть классом и становится человечеством. На этапе этого преобразования исчезнут не только классы, но и разделение революционного труда между разными формами — их борьба станет единым потоком, направленным на отмену всех видов угнетения.

Если в капитализме труд отчуждён, а цели и желания отдельных индивидов всяко подчинены капиталу, выступая таким образом как форма не только физического, но и духовного угнетения, то отрицание всякого угнетения приводят к такому состоянию человечества, где объединённый труд и осознанное целеполагание своей жизни высвобождают человеческую универсальность, открывая невообразимые горизонты деятельности и чувств, для которых здоровье, а может быть даже бессмертие всех людей, управление экологией и покорение космоса, становятся просто рядовыми задачами. Хотя сегодня они считаются запредельными. Но коммунизм, снимая отчуждение, создаёт мир, в котором мечты становятся реальным планом, а масштаб свершений, наконец, приходит в соответствие с сущностью человека, освободившегося от эксплуатации и действующего как субъект.